ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

7

2000

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что такого уж поразительного может быть в обычной балке — овражке, ложбинке между степными увалами? А вот поди ж ты, раз увидишь — не забудешь.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
СТЕПНАЯ БАЛКА

Начну с читательского письма: «В свое время, в очень давние уже годы, пришлось мне ехать машиной в ваших краях, от Калача к Суровикину. Решили отдохнуть, отъехали от дороги к небольшой балочке. Из машины вышли — и словно иной мир. Описать не могу, но помню и через тридцать лет. Это было в мае или июне…»

Немножечко странновато, не правда ли? Обычная степная балка. Что в ней? «Пальмы юга» там не растут. Лишь — трава, кустарник, деревья. А вот помнится и через тридцать лет. Наверное, не зря.

Балка — это обычная ложбина меж степными курганами ли, увалами. Обрывистая, глубокая или просторная, с пологими склонами. Их много, балок и балочек, в донской степи. В балках вода ближе, там — родники. Там трава зеленей и гуще, и не только цепучие терн да шиповник растут, но и осокорь, осина, липа. Липологовская балка, Осинологовская. От летнего моего жилья, дома в поселке, до ближайшей балки в Задонье — час пешего хода, на велосипеде вдвое быстрей, на машине вовсе рукой подать. Березовая балка да Ореховая — эти на виду, возле моста через Дон. Но я больше Грушевую люблю: она — просторная и от людских набитых дорог поодаль.

Мост минуешь, оставляя позади донские воды; поднимешься в гору по шумной асфальтовой трассе; свернешь налево, узкой, тоже асфальтовой дорогой три километра пробежишь и — прочь с нее. Теперь глинистой, не больно езженной колеей вниз и вниз. Это уже Грушевая балка.

Ранняя весна. Апрель. Только-только стало теплеть. Лишь другой день солнышко греет.

И сразу потянуло в Задонье. Поехал. А там еще по-зимнему скучно и пусто: черная степь, стылый ветер.

Свернул с дороги, в Грушевую балку спустился в полгоры, вышел из машины и понял, что рано приехал, поторопился: все голо, черно, лишь кое-где на дубах сухие листья порой шелестят. Но уж коли приехал, не уезжать же разом. Отошел от машины, на бугорке присел.

Ясный день. Солнышко греет. Потревоженная моим прибытием полуденная тишь снова сомкнулась, словно тихая вода: поплескались волнешки и успокоились. Простенькая бабочка лимонница, сверкающе-желтая, чертила воздух.

Обостренным слухом, в безветрии, в полуденной тиши, я почуял какой-то слитный шорох, огляделся и увидел проснувшийся, живой муравейник. Довольно великий для наших мест — в колено — холмик кипел весенней муравьиною жизнью. Я подошел к нему, наклонился: в лицо мне пахнул острый муравьиный дух. Вспомнив детство, положил я на муравейник сухую былку, а потом облизал ее, сладко морщась от муравьиной кислоты. Нарядная кофейно-пятнистая бабочка — крапивница неторопливым, порхающим лётом кружила передо мной, то вспыхивая под солнцем радужными переливами крыльев, то притухая.

Потекло время иное — медленное, тягучее; все вместе: и жизнь, и сладкое забытье. Гудливые земляные пчелы не торопясь ищут сияющие цветы калужницы или звездочки гусиного лука — первый цвет. Красные клопы-солдатики, сбившись гурьбою, греются на старом пеньке. Рядом алая капелька божьей коровки спешит вверх по высохшему стеблю, хочет взлететь.

Солнце — над головой; теплая земля; острый дух листовой прели и молодых горьких почек. Тихий мир жизни. Это ранняя весна, Задонье, Грушевая балка. Сюда нетрудно добраться, но нет сил уйти. А молодым летом и вовсе. Жарким полуднем проедешь поселковыми улицами, потом Дон минуешь. Везде — лето, зелень. Но в Грушевую балку спустились, встали, вышли из машины — и словно ударило, ослепило. Жмуришься, не веришь глазам: это иная земля или волшебный сон?

Цветущие поляны — будто цветные озера в зеленых берегах дубков да вязов. Сочевник цветет розовым — розовое озеро. Фиолетовый разлив чины да мышиного горошка. Солнечно-желтые копья коровяка, розовые — дикой мальвы. Милые ромашки, шпорник. Все сияет, все полыхает под солнцем, источая пьянящий дух.

Бредем. Зелень и цвет — выше колен, по пояс. На губах — сладость и горечь. Белое, розовое, сиреневое, фиолетовое, золотое — по светлой, по темной зелени. Нет, это не моя донская скупая земля — песок да глина, выгорающая до рыжины, это сказочный сон золотой.

Зелень малых балочек рассекает ланами цветущую землю. И это — спасенье. От яркого, слепящего многоцветья отдыхает глаз на зелени дубков, черноклёнов. Дикая вишня стелется по земле, по лаковой зелени — россыпь розовеющих ягод. Миновали балочку, прохлада ее остудила лицо и тело. И снова — желтое, алое, лиловое, голубое. Качаются, плывут на тонких упругих стеблях, колышутся, млеют под солнцем созвездия зверобоя, облачка белых и розовых кашек, пахучие заросли донника.

Медовая сладость и сладимая, терпкая горечь. Все здесь: полынь, чабер, тысячелистник, железняк, бессмертник, душица, еще не раскрывшая цвета, но знак подающая. Вот она — у опушки.

Жара, зной, но дышится легко. Идешь трогаешь, обнимаешь цветущее, которое осыпает и дарит тебя золотистой пыльцой, лепестками, горьким соком и сладкой медвяной сытью. И вот уже ты весь пропах этой сладостью, терпкостью, горечью…

Падаешь, закрываешь глаза, проваливаясь не в забытье, а в такой же праздничный сон: плывет перед глазами голубое и алое. Пьешь густой и пахучий воздух, тягучий настой, пьешь и чуешь, как в жилах твоих кровь клокочет. Это июнь: молодое лето в цветенье, Грушевая балка, что огромным распахом спускается от вершин задонских курганов до самой воды. Грушевая, Красная балка, Голубая — вся донская земля теперь словно женщина в самой спелой, знойной своей поре: ослепительно красива, горяча, сладка, пьяняще пахуча и так желанна.

Вспоминают, что раньше, когда в ручной сенокос неделями жили в шалашах, на покосе, то самые красивые дети рождались в марте, через девять месяцев после косьбы.

Время к осени. Погожим августовским днем пробирались мы от хутора Осиновского к Большому Набатову. Как всегда, хотели путь сократить и маленько заплутались. И лишь наткнувшись на заброшенный полевой стан, поняли, куда угодили.

Из машины вышли и не сговариваясь побрели от дороги вниз — к зелени, к тени, к прохладе, туда, где с угора стекала в дол лесистая балка. Подошли, сели, а потом и прилегли на траву, под сень дубков, уже набравших гроздья молодых желудей. После гудящей машины, тряской дороги хорошо дышалось, гляделось и уже не хотелось никуда спешить.

Кончалось сухое жаркое лето. Земля выгорела, пожелтели, высохнув, степные травы. А рядом, в лесистой балке, сочно зеленела листва деревьев, журчала вода родничка где-то внизу, в глубине балки. Синие цветы цикория-полуденника, желтая пахучая пижма, живокость пестрели на опушке. Дух зелени, близкой воды, влажной земли, прокатываясь волнами, растворялся в горячей степи. Стрекотали кузнечики, и какая-то птаха — кажется, славочка — негромко журчала рядом, в кустах.

Нынче — опять зима. За окнами — поздний декабрь, мерклый, с короткими днями. Попалось среди бумаг письмо читательницы, и сразу вспомнилась иная пора — весна да лето. Это память долгая, на всю жизнь. А всего лишь — степная балка, где-нибудь в Задонье, на полпути от Калача-на-Дону к Суровикину. Надо лишь остановиться, выйти из машины.